

Автор благодарит режиссёра и сценариста *Олега Ряскова*, чей сериал «Записки экспедитора Тайной канцелярии» послужил источником вдохновения при написании этих романов!

Автор чувствует себя в неоплатном долгу перед писателем и историком *Евгением Шалашовым*, его консультации помогли сделать роман максимально достоверным с исторической точки зрения!

Огромная благодарность *Александрю Владимирову (Смирнову)*, который умудряется доставать полезную информацию буквально из ниоткуда!

Большое спасибо *всем*, кто вылавливал «блохи» и «блошки» на стадии написания, помогал советом, снабжал материалом, заслуженно критиковал и незаслуженно хвалил!

Мои благодарности *Александрю Логачёву* — без него книга вряд ли бы получилась вполниту увлекательней и динамичней! *Альте Геймеру (Александрю Савенкову)* — за дружескую поддержку.

Всем *коллегам* с форума «В вихре времён», портала «Фантасты.ру», сайта череповецкого КЛФ — моя глубокая признательность за разбор текста, указание авторских ошибок и ляпов!

Спасибо *Санкт-Петербургу* за то, что ты есть! Автор с детства влюблён в твою красоту и посвящает тебе эту книгу!

**Мы из Тайной
канцелярии**

Глава 1

Старенькая «Скания», чихнув, замерла на автобусной остановке. Двери, на которых до сих пор сохранилась истлевшая реклама не то на шведском, не то на финском, с шумом распахнулись.

Я выключил mp3-плеер, спрятал в нагрудный карман чёрные «капельки» наушников и шагнул на мокрый асфальт, будто в бездну.

В салоне было тепло, во время поездки я расстегнул куртку, но, оказавшись на улице, сразу пожалел: резкий порыв ветра швырнул в лицо пожелтевшие листья. Осень.

Романтическая пора для поэтов и абсолютная проза для таких, как я. Хочется отрастить крылья и улететь в тёплые края. Вот только рождённый ползать летать не может. Правильно классик сказал.

Моросил противный дождик. По спине текли холодные струйки.

Зонтик сломался ещё в прошлом году, тогда отнести в ремонт было некогда, а сейчас — не на что. Финансы пели не только романсы. Они ещё и во всю Ивановскую отплясывали канкан.

Я поднял воротник куртки и вжал голову в плечи, превратившись в нахохлившегося воробья. Другие,

впрочем, выглядели не лучше. Такие же промёрзшие, мокрые и... злые, что ли.

Перепрыгивая лужи, стараясь держаться подальше от дороги, чтобы не окатили проезжающие авто, я двинулся по растрескавшемуся тротуару.

Да уж... приятной сегодняшнюю прогулку не назовёшь. При иных обстоятельствах я бы и нос на улицу не высунул, но когда в кошельке осталась последняя сотня, да и та мелочью, кочевряжиться не с руки.

Вот и нужный дом, добротный, ещё сталинской постройки: высоченные потолки, квартиры с футбольное поле, широкие лестничные площадки, парадное, больше похожее на вход во дворец. Шикарно господа устроились, ничего не скажешь. Жилплощадь тут дорогая, квадратный метр на вес золота. И домофон не простой — с видеокамерой, пристально смотревшей на меня тусклым зрачком.

Замёрзшие пальцы с трудом набрали номер квартиры. Камера зажужжала, кому-то захотелось получше рассмотреть мою физиономию.

Я через силу улыбнулся и произнёс:

— Добрый день, я к Арсению Петровичу. Мне назначено на шестнадцать.

— Можете войти, — раздалось из динамика.

Щёлкнул замок. Я взялся за ручку и распахнул дверь.

Подъезд совсем не походил на мой, исписанный неведомыми «художниками» (от слова «худо»), которым стоило оборвать конечности; с облупившейся штукатуркой, ржавыми протёкшими радиаторами, покореженными почтовыми ящиками.

Нет, этот — хороший подъезд, солидный. Сразу видно, что поддерживают его в идеальном порядке. Моют

ступеньки не дважды в месяц, а каждый день, причём утром и вечером.

Сразу за массивной дверью конторка. За ней человек в чёрной форменной одежде частной охраны. На голове фуражка с восьмиугольной тульей, как у американских копов из кино. Для полноты образа не хватало только жевательной резинки во рту, тяжёлой нижней челюсти и солнечных очков, за которыми прячутся серые безжалостные глаза.

Охранник отвлёкся от мониторов, перевёл на меня уставший взгляд.

— К Арсению Петровичу?

— К нему. Мы договаривались, — кивнул я.

— У вас при себе документ, удостоверяющий личность, имеется?

— А что, это необходимо? — удивился я.

— Вас разве не предупреждали? — нахмурился охранник.

Сейчас он вытащит из кобуры верный «кольт», направит на меня и станет монотонно зачитывать мои права.

Усмехнувшись таким мыслям, я полез во внутренний карман куртки, достал водительское удостоверение и протянул охраннику (забавно, права получил, а вот машину купить не сподобился). Пока тот старательно переписывал мои данные в толстый журнал, я неловко переминался с ноги на ногу. Ботинки промокли и сильно хлюпали. Если подошва окончательно отсыреет и отойдёт, будет совсем плохо — другой пары у меня нет.

— Всё, — вернул мне права охранник. — Можете идти. Вас ждут.

— Спасибо!

— Номер квартиры помните?

— Конечно.

— Тогда не смею задерживать. — Охранник разом потерял ко мне интерес.

Я поднялся на второй этаж. Здесь было всего по две квартиры на площадку. Нужная мне — та, что справа. Указательным пальцем утопил кнопку звонка и ничего не услышал. Звукоизоляция в квартире на уровне. Да и всё остальное тоже.

На пороге появился немолодой мужчина, лысоватый, близорукий. Одет в синие потёртые джинсы, свитер с воротником, закрывающим горло. На ногах домашние тапочки.

От всего облика сразу пахло каким-то уютом, особенно когда он улыбнулся и с добродушной интонацией спросил:

— Иван Егорович? Елисеев?

— Да.

— Ну, а я и есть Арсений Петрович. Это со мной вы говорили по телефону.

— Очень приятно.

— Что же это я вас на пороге держу! Пожалуйста, проходите. — Он посторонился. — Обувь можете не снимать, у меня сегодня не прибрано. Домработница, знаете, заболела, а самому как-то недосуг.

Домработница... кхм.

Я с сомнением оглядел промокшие ботинки. Хозяин квартиры правильно истолковал мой взгляд.

— Да вы не стесняйтесь. Наследите так наследите. Грязнее, чем сейчас, всё равно не станет. Давайте-ка в кабинет мой пройдем, там и поговорим.

— Как скажете.

— Да, — обернулся он на полпути, — а не попить ли нам чаю или кофейку? Погодка мерзкая, вы только что с улицы... Поддерживаете?

— Благодарю. От кофе не откажусь.

Последнюю банку с растворимым кофе я прикончил ещё на прошлой неделе. Не то чтобы был фанатом этого напитка, но утро без кофе — не утро. И насчёт погоды хозяин не ошибся. Действительно мерзкая.

Арсений Петрович по-прежнему играл роль добродушного хозяина:

— Чёрный или со сливками?

— Без сливок, пожалуйста.

— Прекрасный выбор. Подождите меня буквально пару минут. Я скоро.

Пока Арсений Петрович хлопотал на кухне, я плюхнулся на мягкий (мечта сибарита) кожаный диван и с удовольствием откинулся на спинку и вытянул ноги. Господи, благодать какая! После всей этой сырости и промозглости наконец-то попал в уютное тёплое помещение. А сейчас ещё и кофе угостят. Разве не лепота?

Кабинет Арсения Петровича словно сошёл со старинных фотографий, живописующих быт писателей-классиков советской поры. Во-первых, огромные, от пола до потолка, книжные полки, буквально прогибающиеся под тяжестью массивных фолиантов. Некоторые томики вообще явно антикварного происхождения, во всяком случае, напечатаны до революции. Во-вторых, письменный стол — массивный, дубовый, точно не новодел, скорее всего — ровесник старинных книг. На столешнице явным диссонансом смотрелся ультрасовременный ноутбук. Насколько я разбираюсь — весьма крутой и навороченный. Ещё на столе лежали какие-то папки. Мне показалось, что в них вырезки из газет и журналов. Солидная готовальня, пепельница (пустая — заметьте), настольная лампа, книга

с закладкой. Похоже, мой визит отвлек хозяина кабинета от чтения.

На стене фотографии в рамках, преимущественно чёрно-белые. Некоторые потрескавшиеся и пожелтевшие от старости.

Арсений Петрович вернулся с подносом, на котором были две чашки с дымящимся кофе (ах, какой аромат! Беллissimo!) и сахарница с маленькой ложкой. В качестве угощения — конфеты, преимущественно шоколадные трюфели. Бабаевские, мои любимые.

Я с удовольствием зашуршал обёрткой и отправил конфету в рот.

— Ну, что, давайте поговорим, — предложил собеседник, когда с напитками и едой было покончено. Лишь пара конфеток остались сиротливо лежать на подносе.

— Давайте.

— Иван Егорович, у меня к вам маленькая просьба. Пожалуйста, настройтесь на то, что вещи, о которых я буду вам рассказывать — это не бред сумасшедшего.

— Занятное вступление.

— То ли ещё будет. Вы, главное, поймите: никто не собирается пудрить вам мозги. Всё, что вы услышите, правда.

— Честное слово, я в высшей степени заинтригован. Постараюсь выполнить вашу просьбу.

— Значит, договорились, — кивнул собеседник. — Вы своим генеалогическим деревом интересовались?

— Куда там, — усмехнулся я. — Как-то меня это модное веяние обошло. Отец с матерью на заводе работали, он — гидравлик на прокатном стане, она — контролёр ОТК. Бабушки-дедушки тоже из простых, деревенские... Ну, воевали, конечно. Дед по маминой линии

почти всю Великую Отечественную прошёл, пока под Кенигсбергом не ранило.

— Деревенские, говорите, — хмыкнул Арсений Петрович. — Ну-ну. Хорошо же замаскировались ваши родственники.

— Простите, не понимаю.

— Я объясню. Дело в том, что Елисеевы — довольно известная дворянская фамилия.

— Да я с ходу могу показать пару-тройку Елисеевых, чьи предки всю жизнь волам хвосты крутили. А вы говорите «дворяне»!

Арсений Петрович засмеялся. Вот уж не ожидал, что моя реплика вызовет в нём столь бурные эмоции.

— Нет уж, в вашем случае мы имеем дело с отпрыском дворянского гнезда, — сообщил он, когда закончил смеяться. — Сведения достоверные на все сто процентов. Мы специально проверяли.

— Дворяне так дворяне, — пожал я плечами. — По большому счёту мне всё равно. Лишь бы люди были хорошие.

— Рад, что относитесь к этому спокойно.

— А как ещё можно относиться? — изумился я.

— По-разному. Есть такие, что с ходу кичатся: как же! «Голубая кровь», «белая кость», «элита»! Как говорится в одном известном историческом анекдоте — на самом деле всё лучшее у них в земле.

— Тогда к чему вы вообще подняли тему моего происхождения? Только не говорите, что Елисеевы — родня каким-нибудь «рюриковичам», и пришло время посадить кого-то из нас на престол. Тем более, вы просили принимать всё всерьёз...

— Что вы?! — всплеснул руками Арсений Петрович. — Столь далеко идущих планов у нас нет.

Да и к Рюриковичам, а тем более Романовым, вы никакого отношения не имеете.

— Слава богу! — с деланой радостью воскликнул я.

— Предлагаю вернуться к нашим баранам... Простите покорно, это я не ваших предков имел в виду, — сконфузился он.

— Я догадался.

— Вы действительно приходите из старинного русского дворянского рода. Небогатого и незнатного.

— Другими словами, наследство от внезапно умершего дядюшки-креза мне не светит? Жаль, я бы не отказался.

— Кто же от такого откажется?! Но это и впрямь не ваш случай. Поместий, заводов, газет, пароходов за Елисеевыми отродясь не водилось. Только прошу не путать с другими Елисеевыми. Те были купцами, происходили из крепостных крестьян Ярославской губернии.

— Родни в Ярославле у меня точно нет, — заверил я.

Арсений Петрович поморщился.

— Мне это известно, — сказал он.

— Ого! Я, оказывается, под колпаком? Кхм... Чего же такого я успел натворить?

— Не судимы, не привлекались, в базе данных из грехов на вас только парочка штрафов за переход в неположенном месте или на красный свет.

— На работу спешил, — почему-то смутился я.

— Всё нормально! С моей точки зрения — и правоохранительные органы придерживаются такого же мнения — вы абсолютно чисты.

— Наверное, это их недоработка, — вспомнил я бородатый анекдот.

Визави деликатно улыбнулся.

— Да уж... Докопаться у нас в стране можно и до столба. Собственно, не только у нас. Однако мы опять ушли куда-то в сторону.

— Вот это меня и напрягает. Извините за деликатный вопрос, но почему вы проявили интерес к моей персоне? Даже если предки были хоть трижды дворянами, в жилах у меня всё равно течёт самая обычная кровь. И она красного цвета, не голубого. Да и сам я ничего выдающегося собой не представляю. Высот не достиг. Точнее, наоборот: грохнулся чуть ли не на самое дно, — с горечью констатировал я.

Собеседник тихо зашуршал конфетной обёрткой. Я с трудом дождался, когда он снова заговорит.

— Скажите, а вы фантастику любите? «Машину времени» Герберта Уэллса читали?

— Отвечаю: нет и да. Фантастику не люблю, Уэллса читал. Только это было в детстве.

— Раз читали, значит, вам будет легче осознать мои слова. Дело в том, что у меня есть машина времени и, представьте себе, она работает.

Я нарочито медленно приподнялся.

— Издеваетесь?

— И в мыслях не было. Я совершенно серьёзен.

— Скажите, где спрятаны камеры? Я улыбнусь в объектив и помашу рукой. Приветы родным передать можно?

— Это не розыгрыш, Иван Егорович. Скрытые камеры у меня в квартире, разумеется, присутствуют, и более того — весь наш разговор сейчас фиксируется на аппаратуру, но это всего лишь меры необходимой предосторожности. Поймите, я совершенно серьёзен. У меня... вернее, в моей лаборатории, есть машина времени, и этот агрегат работает.

— Дурдом!

— Я вас прекрасно понимаю. Мои слова кажутся бредом, а я в ваших глазах выгляжу конченным психом, — грустно произнёс Арсений Петрович. — Но, как сказал один мудрый человек: «критерий истины — практика». И у вас будет возможность убедиться во всём лично.

— Честное слово, я сам себе удивляюсь: почему до сих пор сижу и слушаю, — покачал головой я.

— Хотя бы потому, что других дел у вас всё равно нет. Ни семьи, ни работы, ни денег... вы ведь без гроша: я правильно оцениваю ваше финансовое состояние?

— Абсолютно, — грустно подтвердил я.

— Зато я в силе разрешить некоторые затруднения. Личные вопросы останутся, уж простите, в вашей компетенции, а вот высокооплачиваемую и интересную работу могу предложить прямо сейчас. Как говорится, с ходу.

— И что за работа такая?

— Желаете стать одним из первых хрононаблюдателей?

— Извините, кем?

— Хрононаблюдателем, как я и сказал. Только наблюдателем... Наша машина времени не позволяет осуществить физический перенос. Мы можем только на короткое время подключаться к реципиенту из прошлого и как бы наблюдать происходящее его глазами. При этом существует масса ограничений и первое из них: перемещения в будущее невозможны, ибо для нас его просто не существует. Второе серьёзное ограничение: нам доступно не всё прошлое, а исключительно отдельные кластеры, то есть строго определённые окна. И третье: хрононаблюдатель может подключаться к сознанию только одного из своих предков. К примеру,

ни вам, ни мне никогда не оказаться в «шкуре» Александра Невского или, скажем, Петра Первого. Мне, увы, доступны краткосрочные экскурсии в тела моих родственников, обычных крепостных, редко покидавших околицы глухого села. Не думаю, что почерпнутая мной информация много принесла исторической науке. Уж поверьте, быт тогдашних людей был весьма зауряден. Хотя кое-какую пользу всё же удалось извлечь, признаюсь. Но это так, пустяки... Особенно на фоне тех перспектив, которые могут открыться перед вами.

— Простите, не понял.

— У вас с возможностями намного лучше. Скажите спасибо дворянскому происхождению. Восемнадцатое столетие подарило нам несколько шикарных, а главное доступных кластеров. Период этот хоть и изучен, однако изобилует белыми пятнами. С вашей помощью мы прольём свет на некоторые из них.

— Говорите так, будто я уже согласился.

— А разве нет? Неужели вы откажетесь от восхитительной экскурсии в тело вашего пра-пра-пра... даже не знаю, сколько раз «пра», но всё же прадедушки?! Кстати, вашего двойного тёзки, Ивана Егоровича Елисеева.

Глава 2

От полкового комиссара разило табачищем и водкой столь густо, что у Ивана аж засвербело в носу. Юноша с трудом удерживался от нестерпимого желания чихнуть. Стоило ему это немало внутренних сил, хотя ажитация (как сказал бы человек склонный к наукам) проистекала преимущественно по другому поводу,